

Беседовал
Александр Крылов

Помните: сначала была длинная очередь за билетами на вечерний сеанс; в фойе кинотеатра без надежды на аплодисменты и любовь слушателей играл маленький оркестрик; тетки в белых ажурных передниках в буфете продавали пиво «Рижское» и обязательный пломбир в хрустящих вафельных стаканчиках; потом в зале гас свет и на экране появлялись титры: «Новости дня» или «Иностранная кинохроника»?.. Сегодня, в век коммерческих блокбастеров, экспансии телевидения с его бесконечными сериалами и пошловатыми видеоклипами, такое представить невозможно... Только иногда, подобно падающей звезде, промелькнет в поздний ночной час на канале «Культура» документальный фильм, снятый кем-то из последних мозжиков этого некогда популярного и любимого жанра кинематографа...

Сергей ЗАЙЦЕВ: В документальном кино продолжается кризис жанра

А. МАКАРОВА/РИО

О непростой судьбе отечественного документального кино размышляет известный режиссер-кинодокументалист, лауреат премии «Золотой орел» Сергей Зайцев.

— Лет десять назад общим местом были разговоры на тему гибели отечественного кинематографа. Но в последнее время народ пошел в кино, отечественные боевики бьют рекорды по сборам от проката. В то же время наше документальное кино продолжает пребывать в жалком состоянии. Чем это можно объяснить?

— Позволю начать ответ с другой стороны... Вспомните первые кадры мирового кинематографа, снятые братьями Люмьер, — поезд прибывает на железнодорожную станцию. Это же типичный кино-репортаж! С хроникой началась эпоха кинематографа, без документальных фильмов и репортажей невозможно представить искусство кино. Меня всегда несколько корбит, когда говорят, что существует документальное кино и художественное. Думаю, правильнее было бы говорить о том, что существует игровое и неигровое кино, и каждое из них обязательно должно быть художественным, а еще лучше — высокохудожественным.

163
Вы правы, разговоры о кризисе кинематографа сами собой начали затихать. Время показывает, что наметились совершенно объективные признаки возрождения отечественного кинематографа, появилась четкая тенденция к подъему всего творческого процесса: только в прошлом году было снято почти 350 игровых фильмов, проводятся творческие конкурсы, фестивали. Но пока речь идет только об игровом кино. Что касается жанра неигрового кино, то тут дело обстоит намного хуже. А если говорить прямо, то здесь продолжается глубокий кризис. Правда, справедливости ради стоит назвать имена наших документалистов, которые не дают жанру окончательно погибнуть, — это Андрей Осипов, Вячеслав Орехов, Борис Лизнев, Сергей Мирошниченко, Юрий Шиллер.

— Старая истина гласит: спрос рождает предложение... Не кажется ли вам, что именно отсутствие спроса и породило кризис документального кино?

— Вы совершенно правы: неигровое кино сегодня оказалось совершенно невостребованным. Думаю, причина для этого достаточно много. Начнем с того, что весь темп современной жизни резко увеличился и люди приходят в кино прежде всего для того, чтобы отдохнуть, расслабиться. А неигровое кино заставляет человека размышлять, думать образами. Если же мы говорим о репортажном кино, о кинопублицистике, то это, скорее, уже дело телевидения. Такие передачи

можно смотреть дома, в тапочках, сидя в кресле перед телевизором.

— Тем не менее неигровое кино имеет совершенно четкие жанры — начиная с анимации и кончая лентами о животных, историко-документальными фильмами, снятыми на основе архивных пленок. Неужели эти фильмы также не находят своего зрителя?

— Я сейчас закончил съемки фильма, посвященного столетию российского подводного флота. Мне хотелось сделать авторский фильм, в котором можно было бы сочетать публицистику, архивные кадры, репортаж. Однако заказчики, которые хотят видеть фильм на телеканалах, сказали, что авторский фильм никому в наше время не нужен. Необходимы динамика и формат — то есть за 26 минут я должен показать столетнюю историю русских подводников.

На мой взгляд, подобный подход может означать только смертный приговор всему жанру неигрового кино на телеэкране. Пресловутый рейтинг, который сегодня определяет всю политику на телевидении, убивает документальный жанр.

Рейтинг стал символом того, как зритель прицельно отлучает смотреть хорошие передачи, хорошее кино. И это телевизионным менеджерам успешно удалось сделать. Людей насильно убедили, что они должны смотреть низкопробное телевидение. Сначала были «600 секунд» Невзорова, а теперь всевозможные «Дорожные патрули», «Скандалы недели», «Криминальные хроники». И зритель стал настойчиво требовать только низкокачественную продукцию — как отечественную, так и импортную. Большинство телеканалов с удовольствием идут навстречу подобным пожеланиям.

Рейтинг стал судьей и мерилом творчества. Исключением остается разве что только канал «Культура», где еще можно увидеть и классику, и современную хорошую продукцию. В то же время неигровое художественное кино, на мой взгляд, просто необходимо, так же как необходима серьезная литература, эссеистика, классическая музыка.

— А как обстоят дела с документальным кино на Западе?

— Это чрезвычайно интересная тема, заслуживающая особого разговора. Коротко говоря, к документальному кино в Европе и Америке относятся более внимательно, чем у нас. Каждый желающий посмотреть такой фильм может пойти в специальный кинотеатр или зал, где демонстрируются именно такие фильмы. Еще один очень важный момент. На Западе документалисты — люди известные, там регулярно проводятся престижные фестивали и кон-

курсы неигрового кино. А у нас, кроме фестиваля документального кино «Россия» в Екатеринбурге, назвать практически больше нечего. Последний кинотеатр неигрового кино «Свет» в Петербурге закрыли в прошлом году, в других городах их не существует уже давным-давно...

Однако, несмотря на внешнее благополучие, документальное кино и на Западе переживает непростые времена. Это касается и взаимоотношений кинематографа и телевидения, и потери части зрительской аудитории, предпочитающей видеокассеты и бесконечные мыльные оперы.

К сожалению, многие контакты с зарубежными коллегами из бывших социалистических стран сегодня утрачены, а с западными партнерами еще не налажены. Вся диалектика кинематографии такова, что чем более открыта деятельность, чем больше обмен идеями, чем выше уровень интеграции, тем успешнее обстоят дела с поиском новых форм.

— Раньше перед показом художественных кинофильмов обязательно демонстрировали мультфильм или какой-нибудь хроникально-документальный фильм. Возможно ли, на ваш взгляд, возрождение подобной традиции?

— Полагаю, что нет. И причина банально проста: прокатчики никогда не пойдут на такой шаг, ведь им гораздо выгоднее сэкономить время для лишнего сеанса коммерческого фильма.

— В последнее время на телевидении прошло несколько интересных публицистических и историко-документальных фильмов. Назову, к примеру, сериал Елены Чавчавадзе «Русские без России», повествующий о судьбах русской эмиграции первой волны... Можно ли это рассматривать как вариант выживаемости неигрового документального кино в новых условиях, его трансформацию в некое новое качество?

— Фильм «Русские без России» — несомненная удача. Во многом она предопределена невероятной харизмой ведущего — Никиты Сергее-

вича Михалкова, который, несмотря на бурную общественную деятельность, не дал погаснуть в себе искру таланта, ниспосланного ему Богом.

Однако говорить о трансформации всего неигрового кино мне представляется совершенно неверным. Это также нельзя назвать ни возрождением документального кино, ни продолжением его эстетике в новых условиях телевидения. Ведь большую часть всей нынешней телепродукции можно охарактеризовать как заурядные репортажи, облеченные в некую псевдохудожественную форму.

Чтобы понять, в чем кроются отличия, достаточно привести всего два примера: «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма и какой-нибудь телевизионный фильм типа развлекательных шоу-программ Леонида Парфенова. Думаю, разница для неподготовленного зрителя очевидна... Однако, к сожалению, в условиях нынешнего кинорынка фильма Ромма или Романа Кармена вряд ли смогли бы претендовать на высокий рейтинг.

Повторю еще раз горькую правду: нашего зрителя в 90-х годах насильно приучили к плохому телевидению, плохому кинематографу, а теперь он уже просто не хочет и не может смотреть хорошее кино.

Еще одно преимущество телевизионщиков в том, что они находятся в более выгодном положении — им не надо искать зрителя. Человек пришел с работы домой, включил телевизор — и репортаж у него на экране. Чтобы увидеть документальный фильм, надо идти в кинотеатр, покупать билеты — это уже процесс, требующий времени, денег и, главное, свободного времени и желания.

— Позволю себе не вполне корректный вопрос: если вас, на хороших материальных условиях, пригласят на телевидение — вы пойдете?

— Если будет интересный творческий проект, то, вероятно, ответил бы согласием. А снимать очередной сериал — категорически нет. Подобных предложений было немало, ведь по своей специальности я режиссер игрового кино. Но

пока удавалось «убегать» от телевидения.

Я — не радикальный противник телевидения, и где-то теплится надежда, что, может быть, ситуация изменится к лучшему и телевидение станет умнее, добрее, качественнее.

— Конечно, зритель меняется, уходит поколения, воспитанные на фильмах Давида Вертова или Владислава Михалкова. Приходит новый зритель со своим мироощущением, иными жизненными воззрениями. Но ведь это касается не только неигрового кино, схожие проблемы переживает вся мировая культура. Тем не менее кроме любителей поп-музыки и Мариинкой существуют читатели Толстого и миллионы поклонников Моцарта, Гайдна. Может быть, появятся и новые формы документального кино, в котором будут свои шедевры... Вы не согласны с такой постановкой вопроса?

— Вероятно, в вопросах будущего мировой культуры я остаюсь пессимистом. К великому сожалению, количество людей, читающих Толстого и слушающих Моцарта, несопоставимо с фанатизмом попы во всех ее проявлениях. И перспективы в этом направлении мне представляются печальными. Для того чтобы как-то исправить положение, необходимо менять психологию людей, с детства прививать вкус к серьезной литературе, искусству, музыке. Это немалосильно в нынешних условиях. Попробую объяснить почему.

Во-первых, должна существовать мощная государственная политика, направленная на просветительскую деятельность. А просветительство в любую эпоху основывалось на базовых гуманитарных ценностях — вере, добре, любви. Дети поколениями должны воспитываться на примере старших, исповедую-

щих не на словах, а на деле заповеди христианства, люди должны любить свою Родину, свою историю, своих близких. У нас же почти все эти нравственные ценности лишь декларируются государством, они ушли из сознания общества, а следовательно, оказались не востребованы и в искусстве.

Речь, естественно, идет не только о неигровом кино. Нынешние школьные программы способны даже в самом оптимальном варианте дать лишь весьма скудное общее образование. Если раньше мы были самой читающей нацией в мире, то сейчас мало кто из молодежи читает даже беллетристику...

Поддержка требуется театрам, музеям, библиотекам, обычным сельским и городским клубам культуры. Такая комплексная поддержка требует огромных финансовых средств, которые государство просто не хочет, а вероятно, и не может выделить. Есть много других дыр, которые правительство необходимо срочно заштопать.

Во-вторых, пока общественные вкусы формирует девятая колонка телевидения, совершенно не заинтересованных в росте национальной культуры, в продвижении серьезных программ, демонстрации классики, говорить о какой-то новой эстетике или о возрождении национальных культурных традиций просто невозможно. Людям учат жить на примере рекламных клипов и эстрадных шлягеров. Говоря словами классика: «Так жить нельзя!»

— Вы заговорили о государственной поддержке документального кино, которое всегда было предельно идеологизированным видом киноискусства. Сегодня о государственной идеологии можно говорить только в прошедшем времени — теперь зака-

зывает идеологию тот, кто платит. Но деньги есть у многих — террористов, всевозможных националистов, просто нуворисей, желающих запечатлеть собственную персону...

— Слава богу, сейчас постепенно уходит в прошлое недобрая традиция перестрочных лет — демонстрировать исключительно негативные стороны нашей жизни. Есть стремление показать то хорошее, что объективно существует. Мы все просто обязаны работать на возрождение национального самосознания, гордости за страну, в которой живем. Честно говоря, я завидую американцам, где день начинается с того, что перед частными домами дети вместе с родителями поднимают национальный флаг. Мелочь, а ведь именно с таких мелочей начинается чувство Родины, гордости за нее.

Думаю, это не только мое мнение: чернуха, насилие, кровь надоели. Сколько сил было затрачено на огульное поношение всего, что нас окружает, хотя каждый прекрасно знает, что рядом живут и замечательные врачи, и вполне приличные бизнесмены, совсем не похожие на карикатурных новых русских. Почему бы не показывать таких людей?

В известной степени, чтобы восполнить этот провал, нам удалось в библиотеке-фонде «Русское зарубежье» открыть кино клуб «Русский путь». Здесь демонстрируются уникальные ленты, увидеть которые больше нигде нельзя, которые по тем или иным причинам никогда не выйдут на телевизионный экран. Сейчас уже можно утверждать, что люди идут в наш кино клуб с огромным удовольствием — зал всегда полон зрителей.

— Библиотека-фонд «Русское зарубежье», где находится ваш клуб, располагается в одном из самых культурных для российской интеллигенции районов Москвы — на Таганке. Прийти сюда в лучшем случае могут десятки или сотни людей, а что же делать тем, кто живет далеко от столицы?

— Кроме Таганки мы планируем проводить показы в

Культурном центре «Тушино», где будет работать филиал «Русского пути». Мы также надеемся осуществить цикл выездных мероприятий в провинции, где, на мой взгляд, интерес к культуре острее, чем в столицах. В Москве часто даже не представляют, чем живут люди где-нибудь за Уральским хребтом. Уже двенадцать лет писатель Валентин Распутин проводит в Иркутске фестиваль «Сияние России», собирающий лучшие отечественные творческие силы. Программа фестиваля крайне разнообразная — здесь выступают литераторы, историки, журналисты, демонстрируют интересные ленты. Я даже не подозревал об этом уникальном фестивале, пока в 2003 году Валентин Григорьевич не пригласил меня выступить там с моим фильмом «Погибли за Францию». Такого зрительского интереса к происходящему на экране я ни разу не видел ни в Москве, ни в Петербурге.

— Этот фильм, получивший несколько престижных премий, посвящен русскому экспедиционному корпусу, сражавшемуся во Франции в годы Первой мировой войны. Как вы вышли на эту тему?

— Все вполне закономерно. Первый фильм «Лики Отечества», который я снял, был посвящен русским морякам, ушедшим с эскадрой после эвакуации белой армии из Крыма в Безерту — порт на побережье Туниса.

До этого момента я практически ничего не знал о нашей эмиграции. А здесь я впервые оказался на христианском кладбище в Безерте, где похоронены многие русские моряки. Совершенно разбитый погост, плиты с русскими именами... Я никак не мог уйти отсюда. И решил для себя, что мой долг рассказать о простых людях, которые не по своей воле оказались в эмиграции после революции, чей жизненный путь закончился далеко от России.

Мне в какой-то степени удалось осуществить свой замысел. Через пять лет я поехал во Францию снимать фильм «Последнее каре» о русских офицерах белой армии, живших там в перерыве между двумя мировыми войнами. В одном фрагменте упоминалось о том, что русские военные оказались во Франции еще до революции в составе Русского экспедиционного корпуса. Некоторым из его солдат выпала удивительная судьба: унтер-офицер Русского экспедиционного корпуса, георгиевский кавалер Родион Малиновский впоследствии стал маршалом, Героем Советского Союза, министром обороны.

Так появилась тема, ставшая основой фильма «Погибли за Францию». Я понял, что здесь ни десятилетия, ни двадцатью минутами не обойтись — надо снимать полноценный фильм о русских солдатах и офицерах, пришедших на помощь союзной Франции в годы Первой мировой войны. Меня поддержал продюсер Александр Смолков, благодаря которому этот проект был реализован.

В частных собраниях потомков русских эмигрантов удалось найти уникальные кадры хроники, редкие фотографии и фонограммы.

— Традиционный вопрос кинорежиссеру: ваши планы?

— Хотелось бы надеяться, что тема русской эмиграции найдет свое продолжение в будущих проектах. Мне очень хочется снять фильм об удивительном поэте, человеке, русском офицере — Николае Степановиче Гумилеве. Это может быть либо игровой фильм, либо историко-документальный, ведь судьба Гумилева остается одной из самых драматичных и загадочных в истории русской литературы двадцатого века. В ней было все: любовь, творчество, война, путешествия, дуэль, трагическая гибель во имя чести и достоинства.

Наша справка

Сергей Леонидович Зайцев родился в Москве в 1969 году. Окончил эстрадно-джазовый факультет Государственного московского музыкального училища им. Гнесиных. Выступал как эстрадный музыкант и композитор. Окончил курсы сценаристов при ВГИКе в 1994 году и Высшие режиссерские курсы в 1996 году. Руководитель киностудии и кино клуба «Русский путь». Лауреат премии «Золотой орел» за лучший документальный фильм 2003 года. Награжден главным призом XII МКФ «Золотой витязь» (2003 г.) и «Хрустальный глобусом» на IX МКФ «Сталкер» (2003 г.). Член Российского авторского общества, Союза кинематографистов и Гильдии кинорежиссеров России.

Слова

Александр Солженицын, писатель: — Фильм Сергея Зайцева «Погибли за Францию» очень трогает русское сердце, восстанавливает горькую и драгоценную нам память. Очень находчиво снят, выразительный монтаж, хорошо влились солдатские песни. Спасибо Сергею Зайцеву и всем, кто приложил к фильму свое участие.